

Уроки Станиславского

Российский дебют Барбары Бонней

ЭДУАРД ЛЕВИН

Барбара Бонней гармонично смотрелась в интерьерах Пушкинского музея

Родной язык у Барбары Бонней — английский. В Пушкинском музее, где певица выступила в рамках фестиваля «Декабрьские вечера», она пела на немецком и финском. А казалось, будто поет по-русски. Настолько понятен был смысл каждого, тщательно произносимого ею слова. Бонней, входящая в число самых успешных певиц своего поколения, делала карьеру в Австрии и Германии. Некоторое время жила в Скандинавии. Отсюда столь хорошее чувство языка. Для манеры ее пения — такой честной и сюжетно-детальной, что, кажется, в американское образование Бонней прокралась система Станиславского, — это обстоятельство является едва ли не самым важным. Уже потом, привыкнув следить за перипетиями романсовых сюжетов, понимаешь, что все эти сценки разыгрывает певица с прекрасными вокальными данными и безукоризненной выучкой. Она обладает неизменными для лирического сопрано легкими верхними нотами и нежным тембром, но в отличие от

большинства своих коллег может похвастать еще и богатым низким регистром, на который переходит безо всякого труда.

В послужном списке молодой певицы — несколько десятков записей на лучших фирмах и огромный репертуар от барокко до наших дней, среди ее партнеров по сцене — все, кого только можно пожелать. По слухам, она стала самой дорогой гостьей для «Декабрьских вечеров».

Бонней считается фирменной исполнительницей моцартовских сценических произведений и песен Рихарда Штрауса. Но ни тот, ни другой композитор в основную программу ее московского выступления не входили. Правда, она все же спела на бис две песни Штрауса, продемонстрировав качества, за которые ценит эту музыку в исполнении Бонней западная, а теперь и российская публика, — интимный тон, пастельные тона, тонкие нюансы, способные усладить самый пристрастный слух.

Сопровождал ее пение Малкольм Мартино — пианист, с которым Бонней выпустила целый диск штраусовских песен. Откровенно

говоря, рихтеровский фестиваль помнит аккомпаниаторов и поинтереснее. Скучно-важно-послушный Мартино составлял полную противоположность своей эмоциональной партнерше. Это очень печалило, поскольку романтическая программа вечера — песни Брамса и Сибелиуса, «Любовь и жизнь женщины» Шумана и «Песни Миньоны» Вольфа — все же предполагала активное сотрудничество обоих музыкантов.

В итоге певица отдувалась за двоих, нисколько себя не щадя, несмотря на недавно перенесенную болезнь, о которой слушателей предупредили заранее. Она шла на весьма вольные темпы, ломала песенный ритм просторными паузами, страдала, веселилась и совершенно всерьез проживала шумановскую версию женской судьбы. В немецкой части программы к этому обилию внешних деталей порой не мешало бы добавить чувственности и внутреннего напряжения. Но в лукавом и снежном Сибелиусе все было ровно на своих местах.

Екатерина БИРЮКОВА